

ОГЕРЖИМОСТЬ

АЛЕКС ГРЕЙ

Алекс Грей

Одержимость

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Грей А.

Одержимость / А. Грей — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Четыре дня вдвоём в одной машине через всю Европу. Таков сюжет «Одержимости». Но в эти четыре дня происходит переосмысливание многих моментов жизни. Что важнее, мечты или реальность? Быть художником или остаться с любимым человеком? Алекс, Анна, Макс и другие герои находят то, что наиболее важно для них в жизни, для кого-то это медицина, для кого-то это виноделие и виноградники, для кого-то это живопись, а для кого-то цирковая жизнь, наполненная ежедневным риском. Но всех этих героев объединяет одно — все они одержимы своими идеями, целями, желаниями и мечтами.

© Грей А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	5
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алекс Грей

Одержимость

1

– Привет, не занято? Можно присесть? – он не сразу сориентировался, что обращаются именно к нему. Подняв глаза, он увидел, что на него смотрели огромные зелёные глаза, принадлежащие той, которая задала этот вопрос.

– Привет. Прикольный кулончик. – равнодушно ответил он.

– Так присесть можно или ты предпочитаешь одиночество?

– Прости, но я как-то не по этим делам. – устало ответил он. – Найди себе какого-нибудь другого клиента, а я спокойно попью кофе, ладно?

– Ты сейчас о чём? – удивилась она, и в голосе её чувствовалась обида. – Ты что, думаешь, что я это...? Ну, типа, какая-то дрянь с трассы? Да пошёл ты, ты просто больной... – Она развернулась и уже собиралась уйти, но он в последний момент остановил её.

– Стой, ну, прости... Да подожди ты. – крикнул он ей в спину. Она остановилась и медленно повернулась к нему. И только сейчас он заметил, что в руках она держала огромную сковороду с паэльей. Обычная, маленькая, практически хрупкая, в летнем прозрачном сарафане, в шлёпках и огромных очках на лбу, на руках традиционные дешёвые испанские цветные браслеты, а на шее серебряная цепочка с большим кулоном в форме овальной палитры красок. Он смотрел на неё и ничего не мог понять. Её визуальный образ говорил ему одно, а голос внутренний, сопротивляясь реальности, пытался сказать совершенно другое. – Прости, просто сама подумай. Трасса Севилья – Валенсия, вдали от городов и цивилизаций. Что здесь может делать такая девушка, да ещё в такое время суток? Без вещей, в лёгком летнем платье, говорящая на чистом русском языке в далёкой Испании. Тем более, что за полчаса, что я тут сижу, ты уже третья по счёту. Ну, в смысле уже две ко мне только что подкатывали, что-то говорили про душу и про то, что дорога мне будет после встречи с ними приятной и лёгкой. Вот я и подумал... Ну, прости... Хотя, с другой стороны, ты, действительно не была похожа на жрицу любви, да ещё и с трассы. Уж слишком интеллектуальный взгляд у тебя. А в фигуре и осанке трудно скрыть аристократическое происхождение. Хотя, чего только не бывает в наши времена. Или у тебя нет аристократического происхождения? – Он попытался разрядить обстановку, но, насколько ему это удалось, он не понял. Она продолжала стоять с горячей сковородой в руках и смотрела на него пристально и без единой эмоции.

– Так ты предложишь мне сесть? Или мне пойти за другой столик? – опять спросила она, как будто он не с ней разговаривал до этого. И, не дожидаясь ответа, села напротив него. Она незаметно махнула рукой, и, словно из-под земли, возле них возник официант – *Traigalas dos unidades, por favor.* – Сказала она, обратившись к официанту. Тот исчез так же быстро, как и возник, а через минуту уже расставлял возле них приборы. – *Gracias!* Ну, приятного аппетита, а то одним кофе сыт не будешь.

– Спасибо. – ответил он. – Прикинь, я в Испании уже две недели, а ещё паэли так и не пробовал.

– Ну вот, как раз есть у тебя возможность попробовать. И вообще, ты меня прости за навязчивость, просто такая ситуация у меня... Я как-то вообще не люблю одиночества, даже недолгого, а сидеть за столом одной, да ещё в незнакомом месте, это вообще не для меня. Я просто поем с тобой и поеду, правда. Не удивляйся, у меня иногда так бывает, могу просто так подойти к человеку и загрузить его своими проблемами, просто я люблю общаться с нормальными людьми.

– Слушай, а вот скажи, ты подошла к незнакомому мужику, где-то в далёкой чужой стране, в придорожном кабаке на заправке. А самой-то тебе не страшно? Ведь я же могу и маньяком оказаться. – Сказал он, стараясь оставаться абсолютно серьёзным.

– Да все вы только обещаете и пугаете своими маньячествами, а на самом деле потом оказывается, что настоящие маньяки-то уже давно перевелись. – она улыбнулось, и было в её улыбке что-то такое завлекающее и настораживающее одновременно. Тонкие губы и идеально белые зубы, гладкая загорелая кожа и зелёные-зелёные глаза. Возраст её определить было трудно. Ей можно было дать от двадцати и до сорока лет. И лишь морщинки вокруг глаз подсказывали, что ей уже давно не восемнадцать.

– Ну да, с маньяком я, конечно, погорячился. И всё же, что тебя побудило вот так вот взять и подойти именно ко мне?

– Да всё просто. Я, честно, не люблю есть в одиночестве, это, во-первых. Во-вторых, ты посмотри на эту паэлью. Это же формат не для меня, а меньших они не делают. А в-третьих, я просто увидела родные номера на твоей машине и знакомые наклейки на ней. Ведь, согласишься, не часто в Малаге встретишь кого-то из своего города, да ещё и с крымскими автомобильными номерами. – она говорила и ела одновременно. И у неё получалось жевать и запивать, и говорить. При том, ни еда не мешала ей говорить, ни разговоры не мешали ей есть. Эта удивительная способность придавала ей особенного шарма.

– Так ты что, тоже из Крыма? – удивлённо спросил он.

– Ну да, оттуда, и наклейки мне знакомы, так как дом мой расположен прямо напротив нового яхт-клуба. А ты, я так понимаю, имеешь какое-то отношение к этому новому яхт-клубу?

– Ну да, имею. Можно, и, так сказать. Я там с детства занимался парусным спортом, потом старый клуб снесли, хотели какие-то барыги землю отобрать под бизнес, но мы прошустрили, нашли инвесторов, и мои друзья построили там новый яхт-клуб. А я там просто сейчас держу свою яхту. Ты только кино себе не накручивай на счёт яхты. Яхта моя, это не то, что ты себе представляешь.

– А я ничего и не представляю, хотя немного разбираюсь в яхтах. Мой муж имеет яхту, точнее несколько, поэтому я ориентируюсь немного в этих вопросах. Так что у тебя за яхта? – спросила она и вновь позвала официанта. Тот появился незамедлительно, как и в первый раз. Она опять что-то сказала на чистом испанском, после чего официант исчез.

– Да обычная девятиметровая, старая, из красного дерева, двухмачтовая гафельная яхточка, если тебе это о чём-то говорит.

– О! Прикольно! Мне всегда нравились старые гафельные яхты и шхуны, хотя я, если честно, не фанатею от яхт, они мне просто нравятся с эстетической точки зрения. И, ещё...

– Что ещё?

– Да, нет, ничего...

Появился официант и поставил на стол перед нами два стакана с белой жидкостью.

– Не смотри так, словно ты в первый раз такое видишь. Это «Орчата», по испанки Horchata – традиционный испанский напиток из миндальных орехов. Не пробовал никогда? – удивлённо спросила она. – Странно, паэлью не пробовал, орчату не пил, а говоришь, две недели в Испании. А что ты тут пробовал испанского?

– «Каву» их и вина всякие испанские напробовався, а от кофе скоро к кардиологу придётся обращаться. На каждом шагу кофе, уже сил нет. – ответил он.

– Тю! Так у них ещё очень популярный «гранисадос» – это такие замороженные соки или фруктовое пюре, кстати, очень отлично освежают в жару, рекомендую.

– Слушай, а ты откуда всё про Испанию знаешь, и по-испански шпаришь свободно. Ты, кстати, что этому официанту сказала? – спросил он, доедая остатки из сковородки. Странно,

есть ему сначала совсем не хотелось, а потом и не заметил, как вдвоём с хрупкой девушкой они довольно быстро «приговорили» огромную сковороду с паэльей.

– Да ничего такого не сказала, попросила у него два прибора и всё. А испанский откуда знаю... Да у нас тут дом просто с мужем... – она как-то вдруг помрачнела и запнулась. И он понял, что пока не стоит ничего у неё спрашивать.

– Понятно. Ладно, сколько я тебе за угощение должен? – спросил он у неё. – Просто мне ехать пора. Тебя, кстати, подвезти куда не нужно?

– Вот ты сейчас обидеть меня хочешь? С чего ты взял, что ты мне что-то должен? Это я тебе должна за то, что ты провёл со мной немного времени, а то бы я могла и вляпаться здесь во что-нибудь. Так что мы в расчёте. – она помолчала секунду. – Ладно, раз тебе ехать пора, тогда пока, не буду задерживать. – И она встала из-за стола. Когда она вставала, её кулончик ярко блеснул на солнце, и он задержал на нём взгляд. Изготовленный из белого серебра, довольно крупный, в форме настоящей палитры с красками, какие используют художники в беретах и возле мольбертов. Почему-то художники у него с детства ассоциировались с мольбертами и беретами. Именно так, по его пониманию, и должен был выглядеть настоящий художник.

– Ты куда смотришь, извращенец? – шутливо спросила она.

– Э... Да я это...

– Ну, понятно, что это. Все вы мужики одинаковые. Стоит одеть лёгкий открытый сарафанчик, как вы сразу пялитесь на наши выпуклости.

– Да нет, ты всё не так понимаешь. – он улыбнулся. – Я на кулон твой смотрю. Просто никогда такого не видел. Это, я так понимаю, подарок, и ты, если я не ошибаюсь, имеешь какое-то отношение к живописи. Так ведь?

– Ну да, это подарок. Одного самого дорогого когда-то мне человека. Мало того, это ручная работа. Он сам был художником и сам сделал этот кулон специально для меня. Хотя, почему был. Он и сейчас художник. – сказала она, и через секунду добавила: – Я так думаю. А насчёт моего отношения к живописи... Когда-то, действительно я имела к живописи самое прямое отношение, но это было в другой жизни. – Она резко переменялась в лице, в какой-то момент показалось, что она готова заплакать. – Ладно, тебе ехать надо, а я тебя задерживаю. Пока, и спасибо тебе. Счастливой дороги.

– И тебе спасибо. – ответил он, не совсем успевая за сменой её настроения. – И прости ещё раз за то, что я тебя принял не за ту.

– Проехали, не парься. Давай, может, увидимся на родных просторах. – она повернулась и пошла в сторону небольшого магазинчика.

Он встал из-за стола вслед за ней и пошёл к своей машине, открыв дверь, и на него сразу пахнуло жаром из салона его машины. На улице была жара около сорока градусов. «Ничего, – подумал он, – сейчас поеду с открытыми окнами, немного проветрится, потом включу кондиционер, не в первый же раз». Выезжая с заправки, он заметил её. Она стояла, опёршись о крыло голубого «Volkswagen – Beetle» с испанскими номерами и смотрела куда-то в сторону. На машине была большая наклейка «Malaga rent car». Он притормозил возле неё, но она не обернулась.

– Слушай, прости за бестактность, – сказал он через открытое окно, – но я даже не спросил, как тебя зовут. Вот такой я джентльмен...

– Анна. Или Аня, как тебе больше нравится. – сказала она, не поворачивая головы в его сторону.

– А я Алекс, очень приятно. – ответил он ей в ответ. – Я тебя чем-то обидел или расстроил?

Какое-то время она молчала, не глядя в его сторону, потом медленно оттолкнулась от своей машины и повернулась к нему.

– Если я попрошу тебя об одной вещи, ты мне не откажешь? – спросила она. – Ты не думай, ничего сверхъестественного я тебя просить не буду. Мне тебе сейчас это трудно объяснить, просто... – она запнулась, глядя ему в глаза.

– Да говори уже, в чём проблема? Я тебе, конечно, помогу, если это будет в моей компетенции. – солнечный зайчик от её кулона опять блеснул прямо Алексу в лицо, и он на секунду зажмурился. Когда он открыл глаза, она всё так же стояла у его машины и смотрела на него прищуренным взглядом.

– Если тебе будет не трудно, довези меня до Валенсии. Ты же всё равно едешь мимо. Я буду тихонько сидеть сзади и не буду тебе мешать, ты даже не заметишь моего присутствия. Нет, ну если у тебя какие-то другие планы, типа ты должен ехать с девушкой или к девушке, то я пойму. – она не отводила своего взгляда от него. Так умеют смотреть в глаза только искренние или глубоко уверенные в себе люди.

– Тю, блин. Тоже мне проблема. Конечно, подвезу, только при одном условии. – Алекс хитро улыбнулся и подморгнул ей.

– Интим не предлагать. – перебила его Анна. – Да, хотя ты же сказал, что ты не по этим делам. Так что за условие?

– Ты будешь меня развлекать всю дорогу, будешь рассказывать мне какую-нибудь занимательную историю, но не из фильма или книжки, а какую-то жизненную, договорились?

– Да какой из меня рассказчик? – Аня упёрлась руками в его дверь, и кулон опять возник перед его глазами.

– Да, вот, хотя бы расскажешь мне историю этого волшебного кулона. – Алекс хотел дотронуться до болтающегося у его глаз кулона, но Анна быстро выпрямилась и моментально стала серьёзной.

– Я расскажу, хорошо, только не трогай, пока я не разрешу, договорились? Это не пунктик, просто... Слишком уж он мне дорог. – она прижала ладонью кулон к своей груди и посмотрела на Алекса. – Так что, едем?

– Садись, не знаю, чего ты ещё ждёшь. Кстати, а где твои вещи?

– Из вещей у меня маленький чемодан. Я его называю косметичкой. – сказала она и подошла к багажнику своего «Битла». Алекс увидел, как она с трудом достаёт из багажника огромный чемодан, и выскочил ей на помощь.

– Ни хрена себе косметичка... – сказал Алекс, запихивая чемодан к себе в багажник. – Хорошо, что я налегке езжу. – Аня посмотрела на него, и они оба рассмеялись.

– Ладно, поехали, я сейчас позвоню в контору, где я машину брала, пусть её отсюда заберут. – уже сидя у Алекса в машине, она набрала на телефоне номер и что-то быстро сказала на испанском языке. – Ну вот, с машиной вопрос решён. Они её заберут.

– Ну и славненько, пристёгивайся и едем.

Они вырулили на трассу и слились с общим потоком машин, автобусов и фур, которые неслись из Севильи в сторону Валенсии и Барселоны. Солнце уже начало уходить с зенита, но вечером ещё не пахло. На панели приборов термометр показывал +38. Ехать им предстояло постоянно на восток, то есть солнце, чисто по-дружески, обещало светить им прямо в багажник, а не в лицо. Минут пятнадцать они ехали молча. Два практически незнакомых человека, только что вместе пообедавших и знавших друг о друге лишь имена. Каждый из них ехал в свою сторону, у каждого были свои дела, своя цель поездки, и каждый думал тогда о чём-то своём.

– Блииин... – прервала молчание Анна.

– Что случилось? Что-то забыла? – спохватился Алекс и посмотрел на неё, но увидев на её лице игривую улыбку, расслабился. – Ну чего, рассказывай.

– Да ничего, просто я только сейчас поняла... Я же обещала сидеть сзади, а залезла к тебе на переднее сидение. Это ничего? Ты меня не высадишь?

– Да ты и с косметичкой меня наколола, так что, я уже начинаю привыкать к твоим аллегориям. Тем более, что ты мне должна романтическую и душевную историю, а с заднего сидения что за рассказ получится?

– Романтическую? Ты вроде говорил жизненную историю.

– Жизненная... романтическая – это не одно и то же? Какая разница? – спросил Алекс.

– Не всегда в жизни бывает романтика, а так бы хотелось. Хотя... Вот у тебя, что за диск стоит в проигрывателе? Я включу? – и не дожидаясь ответа, нажала на *play*. Из динамиков *Lara Fabian* сквозь слёзы рассказывала про то, как она кого-то «*Je t'aime*». – Ну вот, даже у тебя на диске романтика, а ты не веришь.

– А ты сама-то веришь?

– Во что? В то, что любую ситуацию, если захочешь, можно сделать романтической? Я не просто верю, я уверена в этом.

– Да ты что? И какая же может быть романтика, скажем, у голодного, пьяного бомжа? – спросил Алекс, глядя на дорогу.

– А что ты знаешь про бомжей? Ты с ними общался? Между прочим, часть из них стали такими не потому, что это их смысл жизни такой, а потому, что так распорядилась судьба. Например, кто-то потерял смысл жизни, кто-то потерял любимого...

– Ага, а кто-то пропил всё своё состояние, – перебил её Алекс, – или проиграл в казино, или просто ничего не делал для того, чтобы стать хоть кем-то в этой жизни, в то время, когда другие работали, учились, достигали чего-то. Так что, не рассказывай мне про бомжей, алкашей и наркоманов. Я считаю, что последних вообще не надо лечить, государство не должно тратить на них денег и специалистов. Они не заслуживают того, чтобы реабилитироваться в клиниках. Ну, разве что за очень большие деньги. А так, я бы их всех сгонял в специальные резервации, и выдавал бы там каждому нужную ему дозу бухла или наркоты. И чтобы там был свой естественный отбор. Человек ведь должен получать то, к чему он стремится, а, заодно, и Дарвин был бы рад. А ты говоришь романтика. Вот там у них и была бы романтика.

– А ты циник, я тебе скажу. – спокойно сказала Анна.

– Цинизм – это не порок, это просто такой способ восприятия реальности и, в какой-то мере, даже, вариант существования и выживания в этом мире, в этой самой реальности. И вообще, это ты мне должна рассказывать историю, а не я тебе. Не хочешь романтическую, тогда рассказывай жизненную. Вот ты про кулон обещала. Хотя я более, чем уверен, что тут без романтики уж точно не обошлось. – Алекс посмотрел на Аню и увидел, как та крепко сжимает в ладони кулон, а сама пристально смотрит вперёд на дорогу. Но он мог дать руку на отсечение, что в тот момент она не видела ни дороги, ни слепящего их солнца, ни мелькающих мимо гор и степей. Она просто вспомнила то, что уже много лет не даёт ей спать спокойно, то, что приходит неожиданно, но не уходит годами.

– Да это очень долгая история, даже не знаю, когда она начинается. – тихо сказала она и посмотрела на Алекса сквозь свои огромные тёмные очки.

– Так нам куда спешить? До Валенсии больше шестисот километров, так что время есть. Кстати, забыл спросить. Это не моё дело, конечно, но тебе в Валенсию зачем? Это я не из любопытства спрашиваю, просто, чтобы я знал, быстро нам ехать или можно не спешить и слушать твою историю.

– Да у меня самолёт из Валенсии утром. – она полезла в свой маленький рюкзачок с *Hello Kitty*, похожий на такие, с какими дети ходят в садик или подготовительную школу, и достала оттуда свой авиабилет. – Вот, смотри, рейс... время вылета 9.15. Я думаю, что часов до восьми утра мы доедем? Сейчас два часа дня, так что у нас ещё...

– Восемнадцать часов, за восемнадцать часов в Испании можно проехать полторы тысячи, не то, что шестьсот. – вместо неё ответил Алекс.

– Ну да, с математикой у меня всегда было не очень. – Аня спрятала назад в рюкзак свой билет и кинула его на заднее сидение. Какое-то время они ехали молча, потом она нарушила тишину. – Понимаешь, наверное, всё дело во мне. Все мои жизненные приключения... Как-то всё не правильно у меня. Вот, у моих подруг всё не так, пусть тоже не идеально всё, но у них всё почему-то по-человечески, а у меня постоянно всё через задницу.

– Ты сейчас о чём? – спросил Алекс и выключил диск. – Ты не против? А то я сегодня не настроен что-то на такую музыку.

– А что ты ещё слушаешь? – и она опять, не дожидаясь ответа, полезла в бардачок и достала сумку с дисками. Перебирая диски, она тихо улыбалась и что-то подпевала себе под нос. – А, давай, включим *Keiko Matsui*. Обожаю её. – она вставила в проигрыватель диск, и салон машины наполнился атмосферой фортепианной музыки.

– Ну да, немного знаю людей, слушающих такую музыку, не говоря уже о том, что мало кто вообще знает о существовании таких музыкантов. Это меня на такую музыку одна моя подруга посадила, за что я ей очень благодарен.

– Подруга? Расскажешь? Я тоже люблю романтические истории. – Аня оживилась и повернулась боком в сторону Алекса.

– Нет уж, сначала ты рассказывай, а там посмотрим. Что ты имела в виду, когда говорила, что у тебя всё не так?

– Да, понимаешь, всё, к чему я привязываюсь, к людям, к событиям, к увлечениям, меня как будто затягивает, я перестаю видеть всё остальное, что происходит вокруг, я как бы погружаюсь в ту часть жизни, которая меня интересует в тот момент, зато отключаюсь от всего остального. Вроде бы ничего плохого, но просто в такие моменты всё, что не главное, для меня перестаёт существовать. Когда такое происходило, я полностью замыкалась в этой идее и не видела ничего, что творилось вокруг. А потом, как будто прозревала. Мгновенно и моментально. То, что «было для меня просто необходимым» вдруг становилось «обычным или, даже, просто обыденным». Так бывало уже несколько раз в моей жизни. Я сейчас не имею в виду привязанность к какой-то книге или фильму. Нет, здесь всё гораздо серьезнее. – Аня была серьезной и сосредоточенной, руками она постоянно теребила оборки своего платья. Алекс сразу заметил эту её особенность менять настроение по несколько раз практически за минуту.

– Интересная ты такая. – высказал вслух свои мысли Алекс. – Твоё настроение, как майская погода, то дождь и ветер, то вдруг выйдет солнце и наступает практически лето. И ты становишься совершенно другой в один момент. То ты весёлая и беззаботная, болтаешь без умолку, то серьёзная и сосредоточенная, можешь молчать целых двадцать минут, а потом опять улыбаешься.

– Ну да, я как шампанское. То шипящая и искристая, то могу и в голову ударить. – Аня слегка улыбнулась, но грусть в этот раз ей скрыть не удалось. И она попыталась перевести разговор на другую тему. – Слушай, Алекс, а ты чего домой-то, да ещё на машине в такую даль?

– Да появилось одно дело, надо быть дома в воскресенье к вечеру. Сегодня среда, время есть, да и машину здесь оставлять не хотелось.

– А что за дело? Что-то серьёзное? Дай, угадаю. – Аня подняла очки на лоб и хитро прикрыла один глаз. – Это связано с какой-то очаровательной особой, я угадала?

– Ну, в какой-то мере да, я просто должен успеть сделать одно очень важное дело для одного близкого мне человека. Но речь сейчас не обо мне, а о твоём кулоне. Так что не отлынивай, а то высажу. – Аня по-детски показала ему язык и опустила на глаза свои очки.

2

– Давно это было. Однажды мы с мамой гуляли по набережной нашего города. Мне тогда было пять лет, а в пять лет, в самый разгар детства, когда ты уже практически всё знаешь и умеешь (а так кажется всем пятилетним карапузам), можно ещё клянчить у мам всякие безделушки и сладости, но ещё не нужно ходить в школу и мыть посуду. Это было счастливое и беззаботное лето из моего детства, наверное, последнее по-настоящему беззаботное... Было лето, жара, толпы туристов, как обычно бывает в курортных городах в сезон отпусков, тупо бродили вдоль моря, сидели за столиками, покупали всякий хлам или просто фотографировались. На набережной топились таксисты, продавцы всяких, как я называю, пылесборников, в смысле разных безделушек, сувениров, магнитиков, кружек, изделий всяких из можжевельника, тут же были фотографы с мартышками и попугаями, всякие цыганки-гадалки, зазывалы на экскурсии и морские прогулки по бухтам нашего города на яхтах и катерах, художники и карикатуристы, и много всяких, желающих заработать на туристах и отдыхающих. Многих мы хорошо знали, так как жили недалеко от набережной, а мама моя тогда работала музработником в одном ведомственном санатории. Мама встретила знакомого художника, который оформлял её санаторий, он был тогда довольно известный, рисовал портреты первых секретарей и членов политбюро, а в нерабочее время подрабатывал тем, что на набережной рисовал курортникам их портреты. Пока мама болтала с ним, я залезла на его стул, сидела и болтала ногами. А он в это время, не отрываясь от беседы с мамой, рисовал мой портрет. За несколько минут он карандашом набросал лицо, глаза, уши, рот, получилось довольно похоже. И он подарил мне этот лист с моим портретом. Я взяла в руки рисунок, долго рассматривала, а потом сказала, что не очень похоже, так как у меня чуть-чуть не такая улыбка. Он дал мне карандаш и, смеясь, сказал:

– Ну, так подрисуй, как ты считаешь нужным.

Я взяла карандаш и начала усердно вязать карандашом по бумаге. Мама и этот художник смотрели за моим творчеством молча. Я пыхтела и очень старалась. Когда я закончила, я подняла этот портрет и, держа в руках на уровне своего лица, показала им. В их глазах я видела растерянность.

– Что, разве плохо я нарисовала? – спросила я.

– Нет, ну что ты! – воскликнул художник и подхватил меня на руки. – Девочка, да у тебя просто талант! А ну, нарисуй мне вот этот кусочек моря со скалой. Что ты там видишь? – он показал на скалу, выступающую из-за мыса, на котором росла старая, кривая одинокая сосна.

Я тогда взяла карандаш, лист бумаги, положила на плитку тротуара и, стоя на коленках, начала рисовать. Я не очень хорошо помню всё своё детство, но тот день, почему-то, запомнился мне навсегда. Я не могу сказать, сколько времени я рисовала, но когда я подняла голову, то вокруг меня стояли люди и молча наблюдали за моим творчеством с высоты своего роста.

– Тебе надо обязательно заняться рисованием. – резюмировал этот художник, когда я сказала, что уже закончила свою работу. – Я бы мог порекомендовать вам очень хорошего учителя, – сказал он, обращаясь уже к маме, – ну, или я бы сам мог позаниматься с Вашей дочерью. Она очень хорошо чувствует бумагу и карандаш. В её возрасте дети так не рисуют. Я думаю, что из неё получится, если не гениальный, то уж точно, очень хороший художник.

Портрет этот и мой пейзаж долгое время висели в маминой комнате на стене, пока мы не переехали. Да мама их и сейчас хранит, я точно знаю. Она вообще хранит все мои рисунки и наброски, даже черновики, которые я просто выбрасывала. Так вот, в тот год мама отдала меня сначала в художественную студию, а позже, через несколько лет я поступила в художественную школу. Рисовала я действительно неплохо, учителя меня хвалили и про-

рочили большое будущее. А я рисовала и рисовала. Рисовала практически всегда и везде. Даже, когда мы с родителями выезжали на пляж, я рисовала на песке. В кафе я рисовала на салфетках. В троллейбусах я дышала на оконные стёкла и рисовала на окнах пальцем. Даже в ванной, пока мама вытирала меня и мои волосы после очередного купания, поставив на табуретку, я успевала порисовать на запотевшем зеркале. Все дорожки в округе были изрисованы цветными мелками. Мне перестали дарить куклы и настольные игры, так как они меня просто перестали интересовать, а всё чаще дарили и покупали всё, что было связано с живописью. Краски, карандаши, фломастеры, мелки, пастель, бумагу, ну всё, что можно было найти в магазинах, приносили мне. Но я мечтала о своём настоящем мольберте. Купить его мне могли, проблем с этим не было. Но проблема была в том, что поставить его было негде в нашей маленькой квартире, а мы жили тогда в половине частного дома прямо на берегу моря. Поэтому, я всё больше времени проводила в художественной школе. Мне даже разрешали выносить мольберт из школы, чтобы я могла рисовать на природе. Позже, правда, когда я подросла, то папа соорудил мне в сарае что-то похожее на мини-студию, где я могла развешивать свои картины, разбрасывать краски и не убирать после очередного приступа творчества. Папа очень хорошо относился к моему увлечению, он даже сам делал мне рамки и натягивал холсты. Когда я оказывалась наедине с мольбертом, как ни смешно бы это звучало, я проваливалась в свой мир, в свою реальность, которая для многих окружающих была просто непонятным каким-то фанатизмом. Сначала все радовались моему увлечению, помогали, восхищались, но со временем, мама начала говорить, что нельзя столько времени проводить за мольбертом, что нужно иногда ходить гулять с подругами, на море, на пляж, книги надо читать, а не только жить в мире красок. Хотя я не понимала, чего здесь такого плохого, жить в мире этих самых красок. Но я не обращала никакого внимания на сарказм, который рос вокруг моего увлечения, на подколки друзей, которых у меня почти не осталось, на замечания родителей и учителей в школе. В школе, кстати, я училась неплохо, но даже на уроках я продолжала рисовать. Все поля моих тетрадей были изрисованы морскими пейзажами, портретами одноклассников и учителей. Как-то я пришла домой после занятий в художественной школе, мне тогда было уже лет двенадцать, и увидела незнакомого мужика, с которым мама на кухне пила чай. Папа тогда был на работе, и я сразу вбила себе в голову, что дядька этот плохой. Не знаю почему, но у меня тогда сложилась жуткая антипатия к нему. И, хотя, он оказался обычным психотерапевтом, а тогда это становилось модным, наверное, привитым американскими сериалами и фильмами, где все свои проблемы, временные трудности, даже просто плохое настроение, люди были готовы обсуждать с психологами и психотерапевтами. Я его невзлюбила с самого начала. Кстати, с того момента и до сих пор, я терпеть не могу психотерапевтов и психологов. Мама деликатно вышла с кухни, оставив нас с ним наедине. И он сначала начал меня расспрашивать о моих увлечениях, о том, с кем я дружу и кем хочу стать в жизни. Я ответила, что хочу рисовать, и мне всё равно кем быть, лишь бы иметь возможность и время для занятий живописью. А он сказал, что пока это НАВАЖДЕНИЕ, и с этим ещё можно бороться и, даже, оказывается, можно исправить. А когда это перерастёт в ОДЕРЖИМОСТЬ, тогда всё будет очень плохо. Я очень агрессивно себя вела с ним, даже, хамила, пыталась доказать, что нет ничего плохого в том, что я занимаюсь любимым делом, и мне просто наплевать на то, чем занимаются мои сверстники. А он, наоборот, был добрым и ласковым, говорил спокойно и уверенно, но на меня это действовало ещё более раздражающе. Он говорил, что в двенадцать лет девочки уже должны начинать интересоваться мальчиками, нарядами, молодёжными журналами, а не только рисовать. При том, он говорил, что рисовать – это хорошо, но просто надо знать меру. В тот вечер мы так и не пришли к общему знаменателю. Ему не удалось убедить меня что-то изменить в своих взглядах, наоборот, после его ухода я закрылась в своём сарае-студии и рисовала, рисовала... Мама знала, что трогать меня нет смысла, когда я закрывалась и погружалась в творчество,

папа наоборот, наверное, был единственным, кто поддерживал меня на все сто процентов. Поэтому, мне никто не мешал тогда. Я рисовала долго, даже не пошла домой ужинать, не делала домашних заданий, мне просто не хотелось выходить в их мир. В той студии я тогда и уснула. Проснулась лишь утром, когда мама стучала в дверь. Я открыла двери и увидела красные, заплаканные мамины глаза. Она ничего не сказала, просто так обыденно сказала, что завтрак на столе и мне пора в школу, а то я опоздаю. И ни слова о вчерашней беседе с психологом. Как-будто, ничего и не было. Но вечером меня опять ждал этот доктор. Я весь день думала, как сделать так, чтобы не расстраивать маму, ведь я её очень сильно любила, а она меня. Мы никогда не ссорились, просто здесь наши взгляды на моё занятие живописью начали расходиться. Я сказала психологу, что хочу поговорить с мамой и вышла из комнаты. Маме я сказала, что я сделаю всё, чтобы она только не расстраивалась, но пусть никогда больше этого мужика в нашем доме не будет. Мама знала, что спорить со мной бесполезно и согласилась. Больше в моей жизни ни психологов, ни психотерапевтов не было. Рисовать я, конечно же, не перестала, просто стала меньше официировать то, чем я занималась. Для мамы я была прилежной дочерью, помогала по дому, по хозяйству, а в школе я была прилежной ученицей. Но на самом деле, я постоянно читала о художниках, ходила в художественную школу, а по вечерам и, даже, по ночам сидела в своём сарае и рисовала.

Как-то я отправила несколько фотографий своих работ в один молодёжный журнал на конкурс. По глупости я подписалась своей настоящей фамилией. Прошло полгода, я уже и забыла про тот конкурс, но тут меня срочно вызвал к себе директор нашей школы. Директора школы мы все очень боялись, и когда я зашла к нему в кабинет, то ноги мои трусились, а с меня ручьями тёк холодный пот. Мне было жутко страшно. И, хотя я знала, что ничего незаконного я не делала, мне всё рвано было не по себе. В кабинете сидела какая-то строгая дама с огромной причёской и пристально смотрела на меня. Когда я вошла, она спросила у директора, как будто меня не было рядом:

– Это она?

– Она. – спокойно ответил директор и кивнул в мою сторону. – Проходи, Аня, присаживайся. Вот Галина Ивановна из ГорОНО хочет с тобой поговорить.

Ноги у меня были ватными и меня не слушались. Я осталась стоять, во рту пересохло, и я не могла сказать ни слова.

– Аня, тут нам позвонили из одного молодёжного журнала, оказывается, что ты стала победительницей художественно конкурса молодых художников в категории «пейзажи». Мы тебя поздравляем! Ты наша гордость! Вот бы побольше таких талантов. – сказала дама, обращаясь уже к директору. – Редакция журнала не могла тебя найти, так как ты не указала своего адреса, а только город и фамилию. Поэтому они вышли на нас, а мы уже нашли тебя по спискам учеников школы. Тебе передали грамоту, мы хотели вручить тебе эту грамоту на линейке перед всей школой, но директор сказал, что ты слишком скромная и не любишь таких публичных действ. Но это ещё не всё. Журнал всех победителей решил наградить поездкой в летний лагерь в Болгарию. Ты бывала когда-нибудь в Болгарии? Нет? Ну, вот и отлично, заодно посмотришь на мир и всему миру покажешь свой талант, пусть знают, какие люди живут в нашей стране и в нашем городе, тем более, что лагерь этот организывает ЮНЕСКО для талантливых детей из разных стран. Кроме того, в этом лагере будет ещё один очень ответственный конкурс. Там вам придётся рисовать прямо в присутствии комиссии, то есть вы не будете рисовать в студиях при закрытых дверях. Вам будет дано задание, и придётся рисовать, или, как говорят художники, писать картины на публике, после каждого дня сдавая работы на ночь. Так что ты подготовься хорошенько, отдохни и морально настройся и покажи им, кто есть кто!

Дальше я плохо помню, всё было как в тумане. Страх не прошёл, наоборот, он просто тогда трансформировался в состояние, которого я не могу сейчас передать. В глазах стоял

туман, голова закружилась, я села за стол и заплакала. Директор вскочил, дама побежала за водой, они вместе меня утешали и радовались тому, что смогли произвести на меня такое впечатление этой новостью. Но я-то понимала, что это была реакция не на поездку в Болгарию, о которой тогда мечтал чуть ли не каждый советский человек, это была реакция на признание моего таланта. Признание не просто учителей рисования или художников с набережной, которые просили, чтобы я для них рисовала пейзажи, а они их продавали под своим именем, потому что именно мои картины странным образом были самыми продаваемыми на нашей набережной. Даже из соседних посёлков приезжали ко мне с заказами. Платили мне мало, но на краски хватало. О деньгах я тогда не думала, так как все мысли мои были заняты только рисованием. А тут признание международного жюри! Да ещё и победа в конкурсе. В тот момент я впервые подумала о том, что смогу стать известной и знаменитой. До этого момента я никогда не задумывалась ни о заработке на живописи, ни, тем более, о какой-то известности. Мне было всё равно, я просто любила и хотела рисовать. Для меня было волшебством преобразование чистого листа бумаги или холста в голубое море, в зелёные деревья, в букеты разноцветных хризантем, в оранжевый закат или в задорную улыбку или же, наоборот, в грустные глаза. Вот что было для меня важно. Но в один момент я захотела стать известной и знаменитой. Вот в тот самый момент во мне что-то сместилось, и я поняла, что стала совершенно другим человеком, и назад дороги уже не будет. И я сразу поняла, о какой одержимости говорил тогда психотерапевт. Но мне было всё равно.

Я рисовала с ещё большим вдохновением, дико уставала, спала по несколько часов. И, если, раньше я не отбраковывала ни одной своей работы, то сейчас я начала много переделывать, находить изъяны, иногда я даже в порыве какого-то бешенства резала холсты и сжигала эскизы и наброски. Было лето, мама работала в санатории, папа тоже пропадал на работе, поэтому никому до меня не было дела. А я всё рисовала и рисовала. Качество работ росло, я это видела и сама, да и люди заказывали всё больше. И я начала подписывать свои работы. Перекупщикам и барыгам я сказала: «Продавайте кому хотите и за сколько хотите, но имя моё на картинах не зарисовывать и собой не подписывать, иначе просто перестану для вас рисовать...» И они продавали уже МОИ картины. Потом люди начали спрашивать именно меня, искали, заказывали у меня напрямую. У меня начали водиться приличные деньги, и я стала узнаваема в среде художников. Наверное, ещё и это усилило во мне уверенность, что до моего звёздного часа было совсем чуть-чуть. До лагеря в Болгарии оставалось совсем немного, а я просто валилась с ног от бессилия. Я смутно помню последние дни перед лагерем, это было как в тумане. Усталость, литры кофе, дурман в голове от запаха масляных красок, грунтовок и растворителей. Я себя не жалела, настолько я хотела быть лучшей. Если бы не мой молодой крепкий организм, наверное, я бы плохо закончила тогда. Но всё как-то обошлось.

В лагерь я, действительно попала, но уставшая и измождённая. Хорошо, что программа лагеря предусматривала не только рисование, но и отдых на пляжах Солнечного берега, экскурсии в старый город Несебар, Бургас, Поморие. Один раз нас возили даже в Варну и в Пловдив. Нас вывозили в горы на перевал, и мы рисовали там дома с черепичными крышами, потом нас везли на розовые поля, и мы рисовали розы. Голова кружилась от запаха роз, мы купались в опадавших лепестках, делали себе венки или просто вставляли розовый бутон в волосы. Это было чудесное время. Занятия живописью были в том лагере строго дозированными, что дало мне возможность немного восстановиться. Но, несмотря на это, я просыпалась по ночам и думала только об одном. Я видела свои холсты, видела их на стенах различных галерей и выставок. Это было как наркомания, настоящее наваждение или, скорее, это была одержимость. Я, действительно, была одержима живописью. Не знаю, хорошо ли это было или нет, но сейчас мне становится страшно, когда я вспоминаю те моменты. Тогда я не осознавала, что поднимаясь к вершинам искусства, я, на самом деле, опускалась,

как личность. Но, в то время я просто думала лишь об одном. Я мечтала стать великим художником...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.